
УДК 008075.8

Суворов Дмитрий Владимирович

кандидат культурологии, доцент факультета бизнеса
и управления Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург)

Dmitriy V. Suvorov

Candidate of Culturology, Associate Professor
at Business and Management Department,
Liberal Arts University/University for Humanities,
Ekaterinburg

**О СПЕЦИФИКЕ
РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ**

**RUSSIAN CIVILIZATION SPECIFIC
REALITIES**

Аннотация

Статья Д. В. Суворова посвящена исследованию своеобразия цивилизационного развития России и российских модернизационных процессов. В работе рассматривается процесс культурно-исторического развития России как смены субцивилизаций, обладающих рядом макроцивилизационных черт и в то же время характеризующихся наличием имманентных каждой из них фундаментальных особенностей, а также специфическая особенность отечественных модернизаций, происходящих как последовательность волн модернизации.

Ключевые слова: модернизация, субцивилизация, периоды цивилизации, культурно-исторический тип, хронотоп, макроцивилизация, дискретность, идеальный тип, модус цивилизации.

Abstract

The article is dedicated to the study of the characteristics of civilization development of Russia and of Russian modernization processes. The paper considers the process of cultural-historical development of Russia as a change of subcivilizations with some macrocivilizational features and at the same time, characterized by the presence of each of the fundamental inherent characteristics, as well as the specific features of domestic upgrades taking place as a series of waves of modernization.

Keywords: modernization, subcivilization, civilization periods, cultural and historical type, chronotype, macrocivilization, discretization, ideal type, civilization mode.

«Историософское осмысление пути России – одна из постоянных тем и проблем русской мысли. Представляется, что в резко изменившейся жизненной ситуации наших дней эта традиция нуждается в продолжении и развитии. Уже недостаточен анализ историософских идей прошлого; необходим сегодняшней, рожденный сегодняшним положением дел анализ «русского пути»: слишком серьезен и значителен пережитый и накопленный Россией опыт, чтобы не попытаться его заново осмыслить» [10. С. 13]. Эта констатация В. Кантора может послужить эпиграфом ко всему данному исследованию (и к рассматриваемой в нем проблематике), тем более что, по совершенно верному замечанию В. Копалова, все аспекты историософии «связаны с прогностической функцией философии истории, со стремлением обнаружить смысл истории и ее отдаленные перспективы» [7. С. 305].

Существенной проблемой является тот неоднократно констатируемый в последнее время факт, что традиционные (особенно для советского и постсоветского социумов) историософские схемы чем дальше, тем больше оказываются трудноприменимыми для объяснения и осмысления исторического пути России (и не только России!). По отношению к российским реалиям данная проблематика стоит многократно более остро – по причинам особого социокультурного положения сегодняшней России, о котором точно выразился В. Кемеров: «Россия 90-х гг. нашего столетия (т. е. XX века. – Д. С.), вступив на путь реформации, оказывается перед своеобразным парадоксом. Она стремится включиться в постсовременный мир, отказывающийся от одномерных представлений об индустриальном, экономическом, техническом и научном развитии человечества. Вместе с тем она не может опереться на твердую почву социальных и культурных форм, воспроизводящих общественную систему, то есть на надежную связанность ее элементов во времени и пространстве, элементарную согласуемость действий и помыслов людей в их социальной жизни» [11. С. 213].

Такой диагноз представляется точным, однако можно сделать следующее уточняющее дополнение. Отмеченный В. Кемеровым парадокс проистекает из того, что в современной России – едва ли не впервые за несколько столетий – имеет место полномасштабный цивилизационный и связанный с ним аксиологический кризис, коренящийся в потере Россией традиционного (для нескольких последних веков) имперского статуса. Можно констатировать совершенно определенно: современная (постсоветская) Россия еще не обрела устойчивой самоидентификации (как в свое время высказался Н. Гоголь, «велико незнание России посреди России») [4. С. 5]. К тому же – и это уже неоднократно отмечено современными исследователями – состояние «посткоммунизма» (термин Б. Капустина) в принципе не дает на сегодняшний день окончательной возможности идентифицировать современное социокультурное состояние в привычных и отработанных категориях [15. С. 16].

Таким образом, на повестку дня выдвигается проблема – выяснение фундаментальных характеристик российской цивилизации. Очевидно, что «философия истории всегда представляет собой попытку универсального понимания истории, отыскание во внешнем многообразии и непохожести локальных культур, стран и народов единое основание исторического развития человечества» [17. С. 134]. Общеизвестно, что споры о месте российской цивилизации в этом самом «едином основании исторического развития человечества» и об имманентно присущей ей специфике составляют чуть ли не главную семантическую основу всей отечественной публицистики, общественных наук и (в значительной степени) литературы на протяжении последних 200 лет (а фактически еще раньше – начиная, как минимум, с церковной реформы XVII в.). При этом, однако, зачастую за кадром остается вопрос особой важности: о какой, собственно, российской цивилизации конкретно идет речь? И это составляет главную узловую точку проблемы.

В своей известной работе «Истоки и смысл русского коммунизма» Н. Бердяев произвел констатацию, имеющую прямое отношение к интересующей нас проблеме. «В истории, – сообщает философ, – мы видим пять разных России: Россию киевскую. Россию татарского периода, Россию московскую, Россию петровскую, императорскую и, наконец, новую, советскую Россию» [3. С. 7] (впоследствии Бердяев гипотетически предсказал и появление новой, постсоветской России)¹. Позднее философ повторил свой прогноз в работе «Русская идея» [16. С. 449]. То есть, в нашей отечественной истории (и истории культуры) необходимо говорить не о единой, последовательно развивающейся цивилизационной линии (не только о ней – единая российская цивилизация, разумеется – реальность), а о нескольких последовательно сменяющих друг друга типах более дробного, нежели цивилизация, порядка. Иначе говоря, того плавного течения исторического процесса, которое обычно описывается в учебниках и традиционно ориентированных исследованиях, в реальности нет – вместо него имеет место неоднократная и радикальная трансформация основ отечественной цивилизации.

Фактически у Бердяева речь идет о «периодах цивилизации»; термин введен Н. Данилевским, и последний обосновал его следующим образом: «Под периодом цивилизации разумею я время, в течение которого народы, составляющие тип – вышед из бессознательной чисто этнографической формы быта... создав, укрепив и оградив свое внешнее существование, как самобытных политических единиц... – проявляют преимущественно свою духовную деятельность во всех тех направлениях, для которых есть залогов в духовной природе»² [6. С. 52–53]. Определение Данилевского можно скорректировать только в одном пункте – в смысле исключительно духовного приоритета понимания вышеописанного феномена: как увидим в дальнейшем, картина в данном случае имеет место более сложная и многоуровневая.

¹ В наши дни А. Флиер практически буквально повторил бердяевский диагноз, разделив историю отечественной цивилизации на три дискретных отрезка; отличие флиеровской типологии от бердяевской только в том, что А. Флиер объединил – неоправданно, на наш взгляд – киевскую и «татарскую» эпохи, с одной стороны, и все эпохи, начиная с начала XVIII в. – с другой (последний период А. Флиер назвал «имперским»). (См.: Российская цивилизация / под ред. М. Мчедлова. – М., 2003. – С. 14.)

² Предшественником Н. Данилевского в этом пункте рассуждений можно считать Г. Риккерта (книга «Учебник по мировой истории в органическом изложении») [12. С. 51].

Последний момент принципиально важен для нашего разговора, поскольку подводит нас к еще одному концепту, необходимому нам в дальнейшем исследовании. Речь пойдет о феноменальных явлениях более дробного, нежели собственно цивилизация, порядка.

Как известно, в свое время Н. Данилевский ввел понятие «культурно-исторического типа» как «исторического организма» в истории цивилизации, имея в виду *исторически отграниченные* социокультурные макрофеномены, сосуществующие или сменяющие друг друга в рамках существования единого цивилизационного феномена. То есть все или большинство фундаментальных характеристик, репрезентирующих данную цивилизацию, являются константными; и в то же время какие-то основополагающие элементы внутри данного цивилизационного бытия модальны и даже мутабельны, и их исторически обусловленная мутабельность имеет следствием появление «исторических организмов» – устойчивых «модусов» цивилизации, объединенных некими макрочертами, но в то же время имеющих имманентный только каждому из них набор признаков (цивилизационных, культурных, ментальных, даже природных – скажем, геополитических). Причем данная мутабельность может как постепенно накапливаться, так и достаточно резко вторгаться в последовательный ход социокультурной эволюции; но в любом случае будет происходить парадигмальный сдвиг внутри единого цивилизационного феномена, и новое цивилизационное состояние будет приобретать принципиально новый набор качеств и признаков. А. Флиер назвал (применительно к России) такие сменяющие друг друга цивилизационные состояния «субцивилизациями» [18. С. 14] – по аналогии с культурологией, где есть общепринятое понятие субкультуры: «Субкультура – наиболее крупные сегменты целостных... культур, отличающихся определенной местной спецификой тех или иных черт (или комплексов черт)» [20. С. 152]. Соответственно, субцивилизации можно определить как *особые «исторические организации», являющиеся модификациями целостной цивилизации, как наиболее крупный сегмент целостной цивилизации, отличающийся пространственно-временной, ценностно-духовной, культурно-материальной и социально организационной спецификами, позволяющими выделить данный феномен из цивилизации в целом.* Таким образом, именно введение концепта «субцивилизации» позволяет полнее раскрыть главную специфику историко-культурного развития России – вышеописанное сочетание цивилизационного единства и дискретности. Разумеется, что каждая из таких субцивилизаций с чисто научной точки зрения будет не чем иным, как именно «идеальным типом» – в самом что ни на есть веберовском смысле слова.

Бердяевская констатация (назовем ее «моделью Бердяева») в своем семантическом контексте раскрывает и еще одну характерную черту российского цивилизационного развития. Поскольку каждая из названных «Россий» содержательно и культурно самостоятельна (а это у Бердяева подчеркнуто даже терминологически – философ прямо говорит о «разных Россиях»), то на стыках между ними возникает ситуация частичного разрыва преемственности. То есть эволюция российского социокультурного мира шла и идет как бы не совсем «по Гегелю» – вместо хрестоматийного «закона отрицания отрицания» наблюдается скорее некая культурологическая дискретность, носящая подчас характер «отряхания праха с ног». Бердяев точно определил главный феноменальный аспект российской цивилизационной эволюции словами: «Развитие России было катастрофическим» [16. С. 449] (т. е. не-последовательным, дискретным). Следовательно, фундаментальную семантику отечественной цивилизации можно определить как сочетание единства и дискретности [12. С. 51].

Итак, российскому историческому пути и российской цивилизации свойственна дискретность. Это выражается в самом способе существования России как формирования и кристаллизации сменяющих друг друга и антагонистичных по отношению друг к другу субцивилизаций. Последние имеют различную парадигму развития, различное самопонимание и – главное – различные культурные корни. Происходит это, во-первых, в силу геополитического фактора (евразийское местоположение и историческое бытие России) и, во-вторых, в силу вживания России в различные культурные миры, с которыми она соприкасалась в течение своей истории (последнее порождает различные формы социальной и культурной маргинальности). Отсюда – свойственные российской истории и российской культурно-цивилизационной эволюции разрывы преемственности, «тектонические сдвиги» на границах субцивилизаций (события XIII, XVII и начала XX веков). Внутри страны это приводило и приводит к синдрому «расколотого общества», результатом

которого становится воспроизводство «гибридных», химерических форм в государственной и социокультурной областях, чреватое нарастанием внутренней нестабильности и – на стыках субцивилизаций – провоцирующее срывы в неэволюционное, деструктивное развитие.

Можно, используя терминологию М. Бахтина, констатировать в каждом «периоде цивилизации» наличие индивидуального хронотопа [2. С. 9] – «существующей взаимосвязи временных и пространственных отношений», которая, говоря словами Д. Горина, «концентрирует в себе различные временные реальности... время человеческой жизни, историческое время, представления о Вечности и является своеобразным структурирующим основанием смыслового пространства, в которое вписываются значения каждого конкретного события» [5. С. 29]. Иначе говоря, каждый «период цивилизации» России был не только фактически противопоставлен предыдущему, но и осмыслял себя в символических формах по данной матрице. Следовательно, первой и главной проблемой становится необходимость, во-первых, определить культурологическое и цивилизационное «лицо» каждой конкретной «России» (в бердяевском понимании) и, во-вторых, понять механизмы взаимоотношений и взаимодействий каждого конкретного «лица» с другими культурами и цивилизациями, а также его матрицу эволюции.

Для российской историософии данная проблематика важна вдвойне.

В силу синтетичности российской культуры (и цивилизационного облика) – по диагнозу Г. Померанца, «России... пришлось вживаться в несколько культурных миров (или, как я это назвал, субэйкумен). От чересполосицы культурных пластов – «широта» русской культуры и ее незавершенность» [14. С. 133]. Используя формулировку В. Лоскутова, «исторический мир России – это мир **разно**-стояния; он притягивает и одновременно отталкивает от себя иные миры, призывает человека к миротворчеству и преграждает ему путь» [8. С. 12]. Еще более категоричен А. Ахиезер: «Россия – расколотое общество... потому что в ней действуют одновременно противоположные, пытающиеся стать господствующими логики. Каждая из этих логик по-своему рациональна и несет в себе свой собственный проект жизнеустройства, культурную программу, каждая воплощается в социальные институты, образы и традиции... Обе логики почвенны; ни одна из них не является «чуждой», «наносной». Но это не рядорасположенные логики: они связаны генетически» [1. С. 10]. То есть вопрос стоит следующим образом: в каких конкретных формах в рамках каждой данной «России» проходит диалог культур и «вживание в культурные миры»? В связи с этим необходимо сделать следующее уточнение.

Говоря о проблематике цивилизационной дискретности в истории России, нельзя обойти вниманием кардинальный аспект проблемы. Как известно, Х. Ортега-и-Гассет употреблял слово «Европа» в культурологическом смысле: «понятием “Европа” Ортега-и-Гассет объединяет все те регионы, которые в своем развитии усвоили плоды европейской культурной традиции» [8. С. 24]. Если следовать этой точке зрения, то явно неправомерно выделять российскую цивилизацию в отдельный, противопоставленный европейскому тип (как это делает, например, А. Тойнби): в данном вопросе, скорее, имеет смысл солидаризироваться с Вл. Соловьевым в том, что «мы – бесповоротные европейцы», и с М. Мамардашвили, заявившим: «Россия сама – хочет она или не хочет – неотделимая часть европейской цивилизации» [19. С. 492]. Такой вывод логичен потому, что, во-первых, российская цивилизация исторически и «гомологически» восходит к реалиям европейского Средневековья; во-вторых, аксиологические характеристики отечественной культуры – при всем ее своеобразии (во многом восходящей к специфике восточно-христианского культурного мира) – имеют общехристианские корни, что однозначно привязывает Россию, при всей неоспоримой оригинальности ее историко-культурного бытия, к европейской эйкумене и направляет вектор ее цивилизационного и социокультурного развития. Цивилизационно-культурным фундаментом российской цивилизации – как в чисто культурном, так и в историческом значении – остается европейская цивилизация. Г. Померанц прямо констатировал, что «самая цветущая пора русской культуры – это культура европеизированной России» [9. С. 126]. На это самым решительным образом указывал и И. Ильин; об этом же, впоследствии, – у Д. Лихачева: «Россия никогда не

была Востоком» [13. С. 35]³. Этот фактор – прежде всего, в силу христианского генезиса российской цивилизации и культуры – является константно действующим на всем протяжении российской истории: при всех нюансах собственных представлений на эту тему Россия никогда не была «азиатским» феноменом, а представляла и представляет собой оригинальную модификацию европейской макроцивилизации. Главным фактором европейской идентификации России служит аксиологический фактор (выраженный в первую очередь через христианские корни российской духовной культуры).

В то же время – и это есть данность на всем протяжении исторического пути России – природные (в частности, геополитические) факторы, по мере расширения страны на восток, явственно играли достаточно «антиевропейскую» (в цивилизационно-культурном смысле) роль: в частности, они формировали такие черты менталитета, которые духовно и на уровне подсознания дистанцировали российский макро- и микрокосмос от собственного цивилизационно-культурного «праисточника» (на этом подробно останавливалось в своих исследованиях большинство отечественных классических историков, начиная с В. Ключевского). Исторически в рамках каждого периода цивилизации действовала различная матрица соотношения «европейского» и «антиевропейского» – отсюда и резкость переходов на грани каждого периода, и частичные разрывы преемственности, и идеология «отвержения предыдущего этапа». Причем на вектор действия «европейских» и «антиевропейских» факторов сказывались причины как иррационального, так и рационального характера – в частности, сознательная (зачастую вопреки объективным историческим условиям) консервация или даже реанимация элементов и черт одного конкретного периода цивилизации в рамках другого. Здесь необходимо учитывать фактор неоднородности исторического и цивилизационного развития, вводить в систему координат феномен «разрушительных тенденций культуры» (выражение Г. Померанца).

Осложняющим фактором российской цивилизационной эволюции следует признать последствия советского эксперимента (имевшего к тому же мощные предпосылки во всех областях российской социокультурной жизни). Результатом происшедшего является ситуация цивилизационного и аксиологического кризиса, необходимость построения новой цивилизационной идентичности, нахождения своего нового места и роли в мире. Ситуация усугубляется тем, что фундаментальная европейская основа российской цивилизации, фактически и феноменально оставаясь незыблемой, в сознании россиян подорвана до основания; в то же время все «антиевропейские» ментальные элементы в России несистемны и не могут стать системными (потому не могут сыграть интегрирующую роль). Поэтому футурологический прогноз по поводу формирующейся постсоветской субцивилизации на сегодняшний день крайне расплывчат и у представителей разных историософских дискурсов отличается крайней амбивалентностью.

Тем не менее, мощная инерция развития нововременной отечественной культуры (имеющей – на это в свое время особо обращал внимание И. Ильин – однозначно европейское культурное происхождение), безусловно, создала в России определенный ресурс дальнейшего движения в этом направлении. Прежде всего, современная логика глобализации как формы мирового и перманентно проявляющегося модернизационного процесса заставляет при принятии управленческих решений в той или иной степени придерживаться реалистических парадигм развития и не уклоняться в сторону «виртуальной ретроспективности». Главное же – созданные в эпоху Нового времени и не уничтоженные в тоталитарные годы традиции российского либерализма (аккумулированные, в частности, в духовной культуре), являющиеся мощным ресурсом движения вперед. Соединение этих традиций со специфичными для России цивилизационно-культурными компонентами есть, по признанию многих исследователей, основа и резерв преодоления социокультурной гибридности и стабильного движения в будущее.

³ Это касается и исторического прошлого нашей страны: по точному замечанию И. Клямкина, максимальные заслуги российской монархии связаны именно с теми годами, в которые «она максимально открылась Западу» [9. С. 402].

Литература

1. Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта : в 3 т. – М. : Изд-во ФО СССР, 1998. – Т. 1.
2. Бахтин М. М. Эпос и роман : сборник. – СПб. : Азбука, 2000. – 300 с.
3. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского. – М. : Наука, 1990. – 224 с.
4. Голик Н. В. Проблемы модернизации России // Философские науки. – 2003. – № 11. – С. 21.
5. Горин Д. Г. Пространство и время в динамике российской цивилизации. – М. : Едиториал, 2003. – 280 с.
6. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. – СПб. : Глаголь : Изд-во Санкт-Петерб. ун-та, 1991. – 513 с.
7. Двадцать лекций по философии / А. В. Грибакин, Ю. Г. Ершов, В. Е. Кемеров. – Екатеринбург : БКИ, 2001. – 406 с.
8. Жизненные миры философии : сборник научных статей. – Екатеринбург, 1999. – 247 с.
9. Западники и националисты: возможен ли диалог? / сост. А. Трапкова. – М. : ОГИ, 2003. – 480 с.
10. Кантор В. К. «...Есть европейская держава». Россия: трудный путь к цивилизации. – М. : РОССПЭН, 1997. – 479 с.
11. Кемеров В. Е. Введение в социальную философию. – М. : Аспект Пресс, 1996. – 215 с.
12. Кузнецова Т. В. Философская теория культуры: этапы развития // Философские науки. – 2003. – № 7. – С. 43–60.
13. Лихачев Д. С. Раздумья о России. – СПб. : Логос, 1999. – 672 с.
14. Померанц Г. С. Разрушительные тенденции в русской культуре // Новый мир. – 1995. – № 8. – С. 131–142.
15. Проблема религиозно-культурной идентичности в русской мысли XIX–XX веков: современное прочтение / сост. Г. Я. Миненков. – Минск : ЕГУ, 2003. – 656 с.
16. Размышления о России и русских: штрихи к истории русского национального характера / сост. С. К. Иванова ; ред. Ю. П. Сенокосова. – М. : Прогресс, 1994. – 464 с.
17. Разум власти прирастает наукой: интеллектуальный портрет ведущих ученых Уральской академии государственной службы. – Екатеринбург : Изд-во Урал. акад. гос. службы, 2001. – 303 с.
18. Российская цивилизация: этнокультурные и духовные аспекты : энциклопедический словарь / под ред. М. П. Мчедлова. – М. : Республика, 2001. – 544 с.
19. Философия не кончается... : из истории отечественной философии. XX век, 1960–1980 годы. – М. : РОССПЭН, 1999. – 768 с.
20. Флиер А. Я. Культурология для культурологов. – М. : Академический проект, 2000. – 496 с.